

А.В. Смирнов

«По какому праву?»: перевод как проблематизация логики языка и логики мышления

На первом заседании семинара при обсуждении доклада В.К.Шохина был поставлен вопрос: *по какому праву* мы используем термин «откровение» (revelatio), когда говорим об области, представленной арабскими терминами *каиф*, *вахй*, *танзил*, *илхам*, *иха* и т.д.? Ссылка на то, что «другого языка у нас нет», не может быть принята в качестве аргумента. Самый простой ответ заключается в том, что у нас как раз *есть* два языка, слова из которых («откровение» и *каиф*, *вахй*, т.д.) мы сравниваем и пытаемся построить мостик перевода между ними. Сам факт единственности термина в исходном («нашем») языке и множественности терминов в другом (арабском) языке, причем без выделенного и «главного» (≈родового) во втором случае, является очевидным препятствием на пути приравнивания лексических единиц.

Это препятствие может быть преодолено, только если принять, что предметная область в двух случаях — одна и та же. Такое утверждение, однако, может быть лишь догматическим. Этот ничем не доказываемый и в принципе недоказуемый постулат позволяет вместе с тем свести перевод к «простой» проблеме эквивалентности слов, которая в данном случае легко решается известными приемами: арабская терминологическая система будет объявлена не до конца сформировавшейся, отражающей ранние, еще не созревшие и не прошедшие теоретическую критику представления, т.п.. (Точно так же когда-то объявляли незрелыми, отражающими ранние стадии формирования языка и приемов отражения внешнего мира лексические системы некоторых северных народов, у которых, к примеру, нет родового понятия «снег», зато есть множество слов для разных вариантов снежного покрова.)

Некритическое принятие положения о тождестве предметной области прямо связано, таким образом, с репрессивным отношением к арабской терминологической системе, которая, как молчаливо принимается, должна быть выстроена в той же понятийной логике, что и «наша». Вопрос «по какому праву?» здесь попросту снимается с повестки дня, поскольку предполагается, что это право обеспечено единственностью понятийного языка, независимо от его лингвистических одежд (понятийный язык может рядиться в одежды любых естественных или формальных языков, оставаясь собой), и единственностью логики его выстраивания, что прямо соотносится с одновариантностью истинного (что бы ни понимать под истиной) познания объективного мира.

Эта система догматических допущений обосновывает и уверенность философа в его праве «из головы», основываясь только на собственных представлениях об «объективной логике понятий», конструировать понятийные миры как объективно и универсально значимые. И когда такие конструкции, однажды возведенные, на следующем шаге бывают подвергнуты деконструкции другим философом, этот второй также всегда исходит из своего права следовать единственно правильной, объективной и общезначимой логике. Эта же система догматических допущений лежит в основании научного знания: при любой смене парадигм уверенность в единственно-правильном решении, из которого исходит наука именно в данный момент, неотъемлема от представления об объективной значимости научных истин.

В моем докладе будет предложен развернутый содержательный ответ на вопрос «по какому праву?». Я исхожу из того, что и можно, и необходимо принять этот вопрос всерьез и так же всерьез дать на него ответ. Отказываясь от того, чтобы отбросить этот вопрос как якобы незначительный и даже по существу ничего не значащий, я тем самым отказываюсь и от системы некритически принимаемых допущений, которые вошли в кровь и плоть как философии, так и науки, поскольку такое отбрасывание вопроса «по какому праву?» возможно только в системе этих допущений. Наряду с этим отрицательным моментом (отказ) должен быть заявлен и момент положительный (альтернативное решение). Я сделаю это в докладе, оттолкнувшись от вышеочерченной конкретизации вопроса «по какому праву?».

Для объяснения того, как устроена понятийная система *кашф*, *вахй*, *танзил*...т.д., будет предложена модель-метафора, которую я называю «динамический зонтик». Это — метафора потому, что позволяет образно схватить архитектуру названной понятийной системы. Это — модель потому, что позволяет показать логику, лежащую в основании именно такого выстраивания данной понятийной системы, иначе говоря, позволяющая заставить понятийную систему «двигаться» и «действовать», т.е. выстраивать и модифицировать внутренние связи, зажить, попросту говоря, внутренней жизнью.

Далее будет показано, что эта же модель-метафора хорошо объясняет другие, генетически никак не связанные с данной, категориальные системы и системы мысли в арабо-мусульманской культуре, относящиеся к разным ее сегментам (философия, вероучение, поэзия, изобразительное искусство). Эта модель-метафора, таким образом, хорошо схватывает логику этой культуры.

С другой стороны, достоинством данной модели-метафоры является то, что она дает возможность проследить в целом всю когнитивную цепочку от исходной интуиции к ее категоризации и вербализации в логике и естественном языке, включая вопрос о выстраивании категориальных систем, о формально-логических законах и доказательстве.

Когнитивные цепочки для первого и второго случаев, т.е. для «откровения» и *кашф*, *танзил*, т.д., являются разными. Это, с одной стороны, объясняет различие когнитивной архитектуры двух категориальных систем. С другой стороны, только понимание этого контраста дает возможность ответить на вопрос «по какому праву?» удовлетворительным образом. Такой ответ заключается не в том, чтобы прочертить горизонтальную линию (пунктир, т.п.) от «откровения» к *кашф*, *танзил*, т.д., каким-то образом «приравняв» их (или поупражнявшись в риторике по поводу невозможности это сделать). Такое прочерчивание горизонтальных линий — иллюзия, оптический обман, а их результат — мираж. Подлинный ответ может быть дан только тогда, когда мы покажем место исходного (неважно, будет ли это «откровение» или *кашф*, *танзил*, т.д.) в общей когнитивной цепочке, его порождающей, а затем, поднявшись по ней до исходного пункта (размонтировав понятие до исходной интуиции), вновь соберем его на другой когнитивной цепочке — но уже не его, а *кашф*, *танзил*, т.д. Лишь этот зигзаг вверх-вниз действительно обосновывает переход от одного к другому, показывает их несводимое логическое различие и вместе с тем (т.е. несмотря на эту несводимую разницу) дает возможность выстроить движение между ними.